

ИМЯ

Энергия времени

Строгановская премия Нины Евгеньевны Васильевой — хороший повод оглянуться на феномен университета в провинции

Анатолий Королёв, писатель

Среди лауреатов Строгановской премии 2017 года стоит имя одного из самых ярких педагогов Пермского университета — Нины Васильевой, которая получила премию в номинации «За выдающуюся общественную деятельность». Это хороший повод оглянуться на феномен университета в провинции, тем более что совсем недавно Пермь отметила его славное столетие.

В годы моей студенческой молодости — 1965–1970-й — университет был настолько исключительным местом городской жизни, что его вполне можно сравнить, скажем, с кампусом Кембриджа или Оксфорда: вот уж где кипела жизнь вне советской цензуры и вне провинциальной робости мысли. Волей случая здесь была собрана в одно силое поле и элита уральской молодёжи, и элита российской профессуры по самым разным научным направлениям. Это сочетание двух энергий создало исключительный эффект креативности.

Оттепель времён Никиты Хрущёва ещё продолжала свой весенний разбег, хотя сам лидер уже был свергнут с партийного трона, новая власть в тот час находилась на перепутье. Кошмар Карибского кризиса — парадокс — породил замешательство в верхах, бразды отпустили, и атмосфера контроля и запретов смягчилась. В страну стали проникать американский джаз и итальянский неореализм, засверкал феномен польского кино. В тон эпохи наш универ (как мы звали его между собой) стал ухом, воронкой Колизея для времени и преобразился даже внешне. Судите сами: на стенах главного корпуса появились огромные копии картин советского авангарда, исполненные маслом поверх штукатурки, на концертах «Студенческой театральной весны» можно было услышать песни из репертуара королевы джаза Эллы Фицджеральд, а сам я с друзьями снимал на узкую плёнку — 16 мм — комедийную киноленту.

Это кипение духа происходило в закрытом городе, где заводы работали на оборону (а значит, на войну), где многотысячная студенческая молодёжь была отрезана от влияния на культурную политику областного центра и почти оттиснута на обочину жизни.

Эхом общего вкуса к мысли и проявлением особой ауры факультета стало наше пылкое решение создать рукопис-

ный журнал «Аз», который мы и принялись горячо сочинять в компании первокурсников, где первые роли играли Лёня Юзефович, Вася Бубнов, Володя Виниченко, а ещё ваш покорный слуга и наша белокурая муз Алла Гребенник. Первую поддержку мы получили от Риты Соломоновны Спивак, которая тогда руководила творческим кружком факультета, каковой был чем-то вроде клуба свободных мечтателей.

Сейчас, с высоты XXI века, можно уверенно сказать, что в ту пору наш дерзкий бесцензурный самиздатовский рукописный журналчик 1965–1967 годов (два выпуска в пяти копиях + третий, который был собран, но уже не вышел; всего 10 экземпляров) на целых 12 лет опередил легендарный московский рукописный журнал «Метрополь» (12 экземпляров в 1979 году).

Но, пожалуй, ещё более важным следствием этой филологической затеи с журналом «Аз» стал пласт пермской, параллельной уральскому соцреализму, литературы, созданный нами в те годы «бури и натиска», в которой я бы выделил три текста: роман Леонида Юзефовича «Чаепитие в Кяхте», роман братьев Игоря и Бориса Кондаковых «Мы весну подождём» и свой прозаический опус «Дракон».

Мои отношения с Ниной Евгеньевной Васильевой — это целый маленький роман.

Мы знакомы — трудно поверить — с 1962 года, когда я ещё учился в девятом классе, а Нина Евгеньевна была аспиранткой Пермского университета и писала кандидатскую диссертацию. Рамками своей частной жизни она и тогда не ограничивалась и, как человек исключительной энергетики и азарта, окружала и себя и других силой центростремительного движения. В ту пору она организовала на Пермском телевидении (это было самое модное место в 1960-х годах в жизни миллионного города!) передачу о местной литературе, и ей понадобился для передачи какой-нибудь умный школьник-читатель из старших классов. В поисках этого «умника» она и вышла шагами шахматной партии на меня.

Аспирантка делала передачу на телестудии о книжной новинке — романе пермского писателя Льва Правдина «Море ясности» (который я не читал) — и предложила мне принять участие в той передаче, а заодно срочно прочесть книжку (она мне её тут же и подарила). Попасть на экран телевизора! О! Я немедленно согласился и с энтузиазмом погрузился с головой в подготовку той передачи. И вот телестудия, телекамеры, микрофоны, нависшие с потолка, удавы-кабели на полу, знаменитые дикторы, прямой эфир... и Нина Евгеньевна, богиня той передачи, залитая ослепительным светом софитов.

Второй раз мы пересеклись в год моего выпуска, в 1970-м.

Это было начало эпохи застоя, времена резко переменились. Университет

Нина Евгеньевна Васильева

погрузился в сумерки, фрески на стенах главного корпуса были замазаны, джаз исчез из программы театральной весны, наш журнал отвезли куда надо, и над нами стали кружить хмурые тучи слежки.

К той поре я подготовил под руководством Риты Соломоновны Спивак дипломную работу о романе Андрея Белого «Петербург»; между тем одиозный автор находился под негласным запретом, а его роман считался злой карикатурой на социалистов... Короче, защита диплома повисла на волоске. Мне повезло: грянуло своеевременное возвращение Васильевой из долгой командировки на Кубу. Она горячо и, главное, умно взялась оппонировать диплому и добилась неслыханного: диплом по антисоветскому шедевру получил оценку «отлично», а я — долгожданные «корочки» филолога, а вскоре был призван на два года в армию лейтенантом, с погонами офицера.

На расстоянии Москва — Пермь мы с Ниной Евгеньевной стали намного дружнее, чем были. Сегодня для меня есть лишь два эксперта в оценке моих книг, мнением которых я бесконечно дорожу: это московский критик Елена Иваницкая и пермский знаток Нина Васильева. При первой же возможности я пересылаю ей свои новые книги или дарю лично, а когда приезжаю на малую родину, всегда спешу к ней в профессорскую квартиру на пятом этаже элитного «сталинского» дома, что в пяти минутах от Дворца имени Свердлова (ныне — имени Солдатова).

В её лице я нашёл самого преданного читателя. Ценю её снайперские реалики-рецензии на вес золота. Она по-прежнему окружает свою жизнь «рычагами поддержки» и буквально тво-

рит чудеса: так, недавно, раздосадованная тем, что мой роман «Эрон» на протяжении 20 лет не был издан в полном объёме, она горячо подключилась к решению этой проблемы и нашла издателя для исполинской рукописи, которую я однажды привёз ей для домашнего чтения. Моя книга — 900 страниц, 56,6 авторских листов — наконец увидела свет в пермском издательстве Ольги Даниловой «Титул», в дивном оформлении итальянского мэтра Тони Демура. Камерный тираж был раскуплен читателями Перми и Екатеринбурга в считанные месяцы.

Этот уникальный стиль поддержки и опеки — матрица жизни Нины Васильевой. При исключительном темпераменте и личном энтузиазме Нины Евгеньевны (при самом скромном вознаграждении) в свет вышли масштабные сборники мемуаров о наших лучших наставниках, книги о Римме Коминой и Соломоне Адливанкине, сборники прозы, очерков и поэзии наших выпускников, дополненные переизданиями... Всего не перечислить! Дозвониться из Москвы к ней невозможно: её телефон занят беспрерывно, а когда я бываю у неё в гостях, Нина Евгеньевна отключает телефон, чтобы нам не мешали поговорить.

Когда она получила Строгановскую премию, её телефон был занят подряд четверо суток — столько людей хотели её поздравить. Её триумф стал радостью для всей пермской филологической профессуры и студенчества; её судьба сравнима с легендарным дивателем «Наутилуса» из романа Жюля Верна, который покорял пространство под не менее легендарным девизом *Mobilis in Mobile* — «Подвижное в подвижном».

Печатается в сокращении.
Полная версия — на сайте newsko.ru